

Шеломытов Геннадий Яковлевич

Все считали, что такого не могло быть никогда

Я родился 9 марта 1940 года в городе Кронштадте.

В 1960 году окончил Прибалтийское военно-техническое училище войск ПВО страны. Проходил службу в 4-й отдельной армии войск ПВО командиром взвода стартовой батареи, затем командиром стартовой батареи 260-го зенитно-ракетного полка (ЗРП) Брянского корпуса Московского округа ПВО.

С марта 1966 по апрель 1967 года в составе этого полка участвовал в боевых действиях во Вьетнаме.

В 1972 году окончил Военно-инженерную академию имени Дзержинского в Москве и продолжал службу в Наземном измерительном пункте Командного измерительного комплекса в городе Якутске.

С 1976 по 1990 год - ведущий инженер военной приемки в Научно-исследовательском институте радиосвязи.

Награжден орденом Красной Звезды и 14 медалями, в том числе вьетнамской медалью «Дружбы».

Наш 260-й зенитно-ракетный полк прибыл во Вьетнам из города Брянска в марте 1966 года, спустя восемь месяцев после первого применения ЗРК (зенитного ракетного комплекса) для защиты территории Демократической Республики Вьетнам (ДРВ).

До этого американцы осуществляли налеты на больших высотах днем и ночью в любую погоду. Первые боевые стрельбы зенитными ракетами стали для американских летчиков полной неожиданностью. Ракеты прижали их ближе к земле.

К моменту нашего прибытия они тоже научились воевать.

Американцы стали летать на низких высотах и только в светлое время суток, в солнечную погоду, держась ближе к горным массивам, чтобы после пуска ракет успеть скрыться за ними. Это значительно усложняло стрельбу, так как ЗРК С-75 не был рассчитан для стрельбы по низколетящим целям, хотя и был в процессе применения во Вьетнаме доработан для такой стрельбы.

На самолетах американцы установили сигнализацию, предупреждающую летчика о попадании в зону облучения станции наведения ракет (СНР) и о работе радиопередатчика команд (РПК) после пуска ракеты.

Они стали широко применять самонаводящиеся ракеты «Шрайк», летящие на максимум радиоизлучения, то есть на антенну передатчика СНР, которая, как правило, находится в центре позиции ЗРК.

Американцы стали применять шариковые бомбы, предназначенные для массового поражения личного состава, а также, наряду с применением обычных фугасных бомб, широко применяли неуправляемые ракеты «Булпаб».

В случае обнаружения позиции ЗРК американские летчики имели право вместо выполнения своего полетного задания наносить воздушные удары по зенитно-ракетному дивизиону.

Задача советских военных специалистов (СВС), так нас тогда называли, состояла в том, чтобы обучить личный состав 274-го зенитно-ракетного полка ВНА самостоятельно отражать налеты американских самолетов на территорию Северного Вьетнама. Полк был только что сформирован. Командиром полка был назначен майор Нунг. Он окончил Военную академию связи в Ленинграде и хорошо говорил по-русски.

Прибыв во Вьетнам, мы в течение двух месяцев проводили занятия и обучали вьетнамские расчеты. Вьетнамцы - очень трудолюбивые ученики. У всех каллиграфический почерк. Просматривая у них конспекты, я не встретил ни одного с неразборчивым почерком. Я проводил занятия и обучал личный состав на материальной части технического дивизиона по подготовке ракет, обучал личный состав на технике стартовой батареи. К этому времени прибыла боевая техника из Союза, и мы развернули ее для ведения боевых действий.

На Новый год Министр обороны прислал каждому из нас посылку, в которой находился черный хлеб и сельдь. Для нас это было большим подарком, поскольку черного хлеба и селедки во Вьетнаме не было, как и холодной воды. Мы пили в основном только чай. Было нелегко приспособиться к подобным условиям жизни.

Позиции не были оборудованы в инженерном отношении, поэтому нам приходилось разворачивать технику для ведения боевых действий в основном на участках между рисовыми полями, у окраин деревень и поселков, иногда прямо на остатках фундаментов разрушенных бомбежками домов.

Зачастую мы не имели возможности развернуть все шесть пусковых установок – места хватало лишь на 3-4 установки. В течение месяца мы сами сидели за пультами, а вьетнамцы, находясь рядом и наблюдая за нашими действиями, набирались опыта ведения боевых стрельб. Потом они пересели за пульта, а мы стояли у них за спиной, контролируя их действия. Это продолжалось 3-4 месяца.

По мере приобретения вьетнамцами боевого опыта, наши военные специалисты небольшими группами отправлялись домой. В конце в полку оставалась небольшая группа главного инженера майора А.Я. Петрова в составе 11 человек, в которую входили специалисты по всем системам. Они устраняли возникшие неисправности, проводили настройку и проверку систем после смены позиции.

Мы все время жили на колесах. Позиции менялись очень часто – после каждой боевой стрельбы. Позиции, обнаруженные американскими летчиками, на следующий день, а иногда буквально через пару часов обязательно

подвергались массированным бомбежкам. Поэтому оставаться на прежней позиции было очень опасно.

Наш зенитно-ракетный дивизион (ЗРДн) под командованием майора И.В. Володина первым в полку принял боевое крещение.

Произошло это в мае 1966 года, когда мы развернулись на боевой позиции на подступах к Ханюю, прикрывая его от воздушного нападения. По условиям местности мы смогли развернуть только три пусковые установки.

Налет начался после обеда. Погода была солнечная, видимость отличная. Операторы своевременно обнаружили на экранах низколетящие цели. После вхождения их в зону пуска были выпущены две ракеты. Американские летчики, совершив противоракетный маневр, успели уйти за горную гряду. Мы потеряли две ракеты.

После старта ракет образовался столб пыли высотой 25-30 метров, а для летчиков это отличный ориентир для прицельного бомбометания. И вот на этот ориентир бросились три самолета. Второй самолет сбросил 5 фугасных бомб. Первый самолет, вероятно, корректировал бомбометание своих ведомых. Первая бомба попала точно в столб пыли. Образовалась воронка глубиной 7-8 метров и диаметром около 15 метров. Остальные бомбы легли так, что образовалась продольная воронка общей протяженностью 75 метров. В воздух была выброшена огромная масса земли, которая посыпалась на нас сверху.

В это время со станции наведения дали команду подвезти и зарядить новые ракеты. Из кабин станции не видно, что происходит на улице, а у нас вместо дороги образовался огромный овраг глубиной более семи метров. Чтобы подвезти и зарядить ракеты, нужно было заново прокладывать подъездную дорогу.

Нам еще повезло, что дул ветер и успел снести столб пыли после старта ракет, метров на 50 в сторону от позиции, к тому моменту, когда его засекли летчики. Если бы погода была безветренной, то от нас и от материальной части не осталось бы ничего.

На одной из ПУ появилась неисправность. Перед отправкой материальной части в Союзе была проведена её доработка для использования в тропическом климате. Но эта

доработка была проведена не очень качественно, из-за чего на пусковых установках появлялись неисправности. Устранять её пришлось в напряженной обстановке. Самолеты в любой момент могли вернуться и повторить бомбежку. К счастью этого не произошло.

Осмотрев воронки от бомб и осознав все произошедшее, мы задумались о том, что смерть ходит рядом с нами.

Через три часа на позицию приехал командир нашего полка подполковник В.В. Федоров. Осмотрев разбомбленную позицию, он сказал, что мы родились в рубашке.

Во Вьетнаме после захода солнца очень быстро темнеет. Это было нам на руку – мы перевели технику в походное положение, снялись и той же ночью переехали на новую позицию. В последующем после каждой стрельбы мы обязательно меняли боевую позицию. В дальнейшем боевые стрельбы стали для нас повседневной работой. Пришлось ощутить нам на себе и применение американскими летчиками самонаводящихся ракет типа «Шрайк» как осколочного, так и шарикового вариантов.

В дивизионе под командованием майора С.Т. Воробьева, после пуска ракеты по цели оператор ручного сопровождения В.К. Мельничук увидел на экране «всплеск» цели и отделившуюся от нее движущуюся отметку. Он немедленно доложил командиру:

- Вижу «Шрайк»! Идет курсом на нас!

Пока через переводчика решали с вьетнамским командованием вопрос о снятии излучения с антенны, «Шрайк» уже подлетал к нашей СНР. Тогда офицер наведения лейтенант Вадим Щербаков сам принял решение и переключил излучение с антенны на эквивалент.

Через 5 секунд раздался взрыв. В кабине «П», на которой находится передающая антенна, взрывом выбило дверь, и осколком был убит вьетнамский оператор. Стоящие рядом с кабиной деревья осколками «Шрайка» срезало как пилой, а от палатки, в которой перед стрельбой находился личный состав батареи, остались лоскуты размером с носовой платок. Нашим военным повезло – все остались живы.

В том случае, если взрывался «Шрайк», начиненный шариками, они, разлетаясь по стартовой позиции, попадали в ракеты находящиеся на пусковых установках. Боевая часть

ракеты весом 200 килограммов взрывалась вместе с окислителем и горючим. От взрыва детонировали и взрывались ракеты на других ПУ. Воспламенялось и горело высокотоксичное ракетное топливо. Ощущение и зрелище не из приятных.

Мы тоже научились применять приемы борьбы со «Шрайком». При обнаружении «Шрайка», мы отводили антенну кабины «П» в сторону или вверх, не выключая излучения. «Шрайк», следуя за максимумом излучения, тоже поворачивал в сторону или вверх. Затем мгновенно снимали излучение с антенны передатчика СНР и «Шрайк» терял сигнал для самонаведения на цель. Его рули стопорились, и далее он продолжал неуправляемый полет, падая в 1,5-2 километрах в стороне от позиции. Так мы учились сами и учили вьетнамцев воевать с реальным и сильным противником.

Ощутили мы также, что такое шариковые бомбы. Однажды во время налета, на дом, где мы жили, была сброшена бомба, начиненная шариками, размером с теннисный мяч. Она взорвалась на высоте 500 метров от земли. Из нее разлетелись 300 шариков, начиненных дробинками (250-300 штук), которые падали на крышу дома и на землю вокруг него. От удара при падении, они с задержкой взрывались, и сотни шариков-дробинок диаметром 3-4 миллиметра разлетались во все стороны. Все, кто находился в доме, легли на пол. Взрывы шариков продолжались на протяжении нескольких минут. Дробинки влетали в окна, впивались в стены и потолки. Шариками, взорвавшимися на крыше дома, никого не смогли поразить, так как дом был двухэтажный. Те, кто оказался на улице, успели спрятаться за колоннами и невысокой стенкой галереи. Бачок с питьевой водой, стоявший перед колонной, превратился в дуршлаг, и из него во все стороны струйками лилась вода.

Одна половина раскрывшейся оболочки бомбы длиной 2100 миллиметров и диаметром 300 миллиметров воткнулась в землю перед входной дверью дома, выпуклой стороной к нам. Когда все стихло, мы стали выходить на улицу, но, увидев контейнер, бросились обратно в дом, приняв его за невзорвавшуюся бомбу.

После одного из таких налетов один из наших офицеров - Саша Гусев – написал нашу боевую песню на мотив известной песни «На безымянной высоте» из кинофильма «Тишина»:

Чертила в небе след ракета,
Который раз уже подряд,
Кто хоть однажды видел это,
Как F-105-е бомбят.
Воронки, словно котлованы,
И видно было, неспроста.
Стояли мы среди развалин
У Тхайнгуенского моста.

Удары «Шрайка» испытали,
Шрапнель рвалась над головой,
Но лишь дружить мы крепче стали,
Нет крепче дружбы боевой.
Нет крепче дружбы той солдатской,
Что закалялась, словно сталь,
В борьбе с ордой американской
У Тхайнгуенского моста.

Плечом к плечу с вьетнамским другом,
Стояли мы на том пути,
Он называл меня «Товарищ»,
Я называл его «Дом ти».
И были в этой дружбе братской -
Залог победы и мечта.
Ковали славу части Брянской
У Тхайнгуенского моста.

В словах этой песни все сказано. Эта песня стала нашим полковым гимном. Она сопровождала нас повсюду, и звучала при всех переездах и на встречах с боевыми друзьями из других дивизионов полка.

В учебном центре мы устраивали маленькие концерты. Пели хором песни на вьетнамском языке. Песня «Ви нян зан куэн минь...» в переводе «Мы - народа сыны, мы народу верны...» после исполнения, по просьбе вьетнамцев, была повторена восемь раз. Вьетнамцы для нас тоже давали

небольшие концерты. Иногда к нам приезжали профессиональные артисты.

Однажды вместо киномеханика я показал кинофильм, после чего мне пришлось демонстрировать фильмы личному составу советских военных специалистов и вьетнамцам до конца моей командировки.

Для замены фильмов я ездил в Ханой в наше посольство. В одну из таких поездок со мной поехало несколько человек, в том числе главный инженер майор А.Я. Петров. По национальности он – якут, похож на вьетнамцев. В магазинах Вьетнама многие товары не продавались соотечественникам, а только иностранцам. И когда я стал покупать для всех китайские отвертки-пробники в виде авторучки, то продавец сказала, указав на Петрова, что это – вьетнамец, переодетый в нашу одежду, а вьетнамцам эти товары продавать запрещено. Пришлось доказывать, что это наш советский военный специалист.

Однажды я привез и показал фильм «Малахов курган», где наши солдаты со связками гранат бросаются под вражеские немецкие танки, отражая атаку. Командир вьетнамского ЗРП майор Нунг, посмотрев этот фильм, попросил меня оставить его и выделил мне машину, чтобы я после каждого нашего перебазирования показывал его местному населению в целях патриотического воспитания. Такая смена проходила почти еженедельно, так что этот фильм приходилось демонстрировать постоянно.

В это время массированные налеты американских самолетов на важные стратегические объекты Северного Вьетнама стали проводиться под прикрытием радиопомех, которые ставили, специально переоборудованные для этого в самолеты-постановщики помех, тяжелые стратегические бомбардировщики типа В-47 и В-52. Барражируя вдоль границы Вьетнама с Лаосом и Камбоджой, такой самолет, ставя помехи, мешал нашим станциям наведения ракет обнаруживать цели. В этих условиях американские самолеты могли выполнять свои полетные задания безнаказанно.

Чтобы сорвать тактические планы американцев, необходимо было уничтожить самолет-постановщик помех. Для этого осенью 1966 года в составе одного из дивизионов полка мы выезжали в «засаду» на юго-запад к границе с

Лаосом, чтобы встретить этот самолет там, где он нас не ждал. Передвигались скрытно, ночью, с выключенными фарами, чтобы нас не могли обнаружить. Совершив трудный марш в несколько сотен километров по разбитым бомбами горным дорогам, мы развернули свой зенитно-ракетный дивизион в джунглях. Тщательно замаскировали технику и стали ждать.

В один из дней появился постановщик помех - самолет RB-47 в сопровождении 10 истребителей-бомбардировщиков F-105 и палубных штурмовиков A-4D. Самолет RB-47 начинен всевозможной радиоаппаратурой и стоил очень дорого, поэтому так тщательно охранялся. Они никак не ожидали встречи с нами на дальних подступах.

Операторы СНР произвели захват самолета RB-47, затем был произведен пуск очередью из трех ракет. Цель была уничтожена. На наше счастье в суматохе боя боевое охранение нас не обнаружило и отбомбилось на заранее оборудованную нами ложную стартовую позицию. Она была своевременно и в достаточной степени размаскирована, чтобы пилоты боевого охранения приняли ее за настоящую. Когда стемнело, мы благополучно свернули технику, перевели ее в походное положение и двинулись в обратный путь. В то самое время, когда мы уничтожили самолет-постановщик помех, продолжался массированный налет на стратегические объекты. Американские летчики считали, что они в полной безопасности и могут, не боясь зенитных ракет, безнаказанно совершать свои полеты.

Оставшись без прикрытия, они здорово просчитались: зенитно-ракетные дивизионы активно поработали и сбили в тот день более десяти американских самолетов. После таких потерь у американских летчиков несколько дней длилась вынужденная боевая пауза.

Мы же, совершив трудный марш обратно, развернулись на новой стартовой позиции для ведения боевых действий.

Даже в очень трудных и сложных ситуациях мы шутили, сочиняли и пели песни и не думали о том, что можем не вернуться живыми домой, где нас ждали родные и близкие.

Наш 260-й зенитно-ракетный полк во Вьетнаме выполнил 43 боевые стрельбы и сбил 25 американских самолетов.

Для меня, командира стартовой батареи 260-го ЗРП, спецкомандировка во Вьетнам закончилась в апреле 1967 года, когда нас сменила новая группа СВС из 11 человек.

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь Жиделева Елена Николаевна и Федюнина Милана Андреевна, студентки 1-го курса факультета «Социальный инжиниринг» Московского авиационного института (государственного технического университета)

*В подготовке текста воспоминаний оказали помощь **Жиделева Елена Николаевна** и **Федюнина Милана Андреевна**, студентки 1-го курса факультета «Социальный инжиниринг» Московского авиационного института*